

Александр ШОРИН

# ТАРАКАН



@ЭЛИТА

18+

Александр Шорин  
**Таракан (сборник)**

Электронное издательство "Аэлита"

2013

## **Шорин А.**

Таракан (сборник) / А. Шорин — Электронное издательство "Аэлита", 2013

В сборник вошли повесть «Таракан» и фантастические рассказы – «страшилки». Действие повести происходит в Екатеринбурге занимает практически один день, демонстрируя короткий период времени, переполненный событиями: неожиданные встречи, погони, убийства, живые тараканы заводятся в головах у людей, а главный герой попадает в самые непредвиденные ситуации. Весь сюжет задуман на одной фразе: «У каждого в голове свой таракан»...

© Шорин А., 2013  
© Электронное издательство  
"Аэлита", 2013

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Таракан                           | 6  |
| День начался                      | 6  |
| Назад...                          | 8  |
| Кое-что проясняется...            | 10 |
| Появление покровителя             | 11 |
| Срастание                         | 15 |
| Предназначение                    | 16 |
| Выпускной вечер                   | 17 |
| Маньяк № 1                        | 20 |
| Чем дальше в лес...               | 22 |
| Понедельник                       | 25 |
| Приказ                            | 28 |
| Что стряслось у Кузнечика         | 30 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 31 |

# Александр Шорин Таракан

ЭИ «@элита» 2013

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.*

## Таракан (мистический триллер)

### День начался

День не задался с самого начала – я встал на два часа позже, чем запланировал с вечера, и к тому времени жара на улице стояла просто дикая. Говорят, что такой жары в июне не было уже лет тридцать, в 10 часов утра асфальт напоминал смоляное болото.

Я подумал было о трамвае, но, наученный вчерашним горьким опытом, – чёртовы водопроводчики отключили горячую воду и плотный запах потных человеческих тел вызывал острое желание ворваться в кабину водителя и заорать в микрофон: «Следующая остановка «Баня», желающие могут помыться там, остальным пристегнуть ремни, обещаю мягкую посадку в аэропорту города Ялта», ну или ещё какую-нибудь глупость в этом роде, единственно чтобы успокоить рвущийся наружу желудок – поморщился, и решил отшагать до своей конторы пару километров пешком, благо, что половина пути шла через парк. Вообще-то глупость совершенная – в воскресенье тащиться на работу, где опять ждут очереди трассирующих взглядов вахтеров, которые считают (и не без основания), что по выходным работают только законченные идиоты; раскалённый от солнца прокуренный кабинет и два десятка ненаписанных писем, которые, по-моему, просто мечтают остаться ненаписанными – заготовки, сидящие в чреве компьютера, свободолюбивы и больше всего не хотят оказаться в темноте плотных конвертов, которые, дойдя по назначению, отправляются в кабинетные урны, так и не дав свободы столь долго выстраданным словам.

Дурное предчувствие, которое не оставляло меня ещё с того момента, когда я почувствовал, как раскалённые утренние лучи взбесившегося светила устраивают победный салют в моих зрачках прямо сквозь оконное стекло, двойные шторы и прикрытые веки, сбилось на входе в парк «Зелёная роща». Толстяк, шедший мне навстречу, никак не мог быть тем человеком, чью физическую копию я явственно видел. Его фигуру я заметил метров за пятьдесят и даже с такого расстояния увидел характерный кривой нос, покосившуюся дужку очков, которые делали и без того крупные карие глаза невообразимо огромными, и, конечно же, пропитанные потом светлую рубашку и кепку – что не удивительно для человека такой комплекции. Кумир прошлых лет, теперь почти стёртый давлением воли на участки головного мозга, отвечавшие за память; человек, имевший для меня авторитет больший, чем все профессора и академики мира, каким-то непостижимым образом объединившие свои академические умы, самый скандально известный преподаватель, который был выставлен ещё несколько лет назад из всех научных кругов и успевший до своего исчезновения несколько раз круто повернуть течение моей жизни, устроив крутые американские горки на ровных дорогах судеб не одного десятка моих знакомых и друзей, приближался ко мне вот так вот запросто, будто бы и не было тех трех лет, которые были потрачены на то, чтобы прятать его от неожиданно единодушных в истребительном союзе Властей и Мафии, которые решили избавиться от этого человека любым доступным способом.

СТОП! Это не может быть ОН! В памяти проплыло: два тайно переданных письма из Турции, через полгода – письмо из Бостона, затем скорбное послание от Ирины Андреевны с цветными американскими фотографиями скромных эмигрантских похорон и каменная плита с датами через черточку, в которых уже никто ничего не в силах изменить.

Я резко мотнул головой из стороны в сторону, но видение не исчезло, медленно (ОН ТАК НЕ ХОДИЛ!) приближаясь. ОН ВСЁ РАВНО БЫЛ ПОДЛЕЦ, ОН КАЛЕЧИЛ ЧУЖИЕ

СУДЬБЫ, Я НЕ ПЛАКАЛ, КОГДА ОН УМЕР. Начавшаяся было дрожь постепенно утихла, когда, оторвавшись от лица, я заметил холщовую сумку с позвякивавшими в ней бутылками и полупустой взгляд, характерный для бомжа, отправившегося на утренний сбор стеклопосуды. ЭТО НЕ ОН. Я неожиданно заметил, что стою и пристально разглядываю этого БОМЖА, а он в ответ, замедлив движение, смотрит на меня безумно-вопросительно. ЧЁРТ!

– Ты смог забыть?

– Что?!

– Есть, говорю, покурить?

Я вытащил пачку, а он залез в неё грязными пальцами, прихватив сразу несколько штук.

Ноги понесли меня вперёд, я почти бежал. ОН что-то буркнул мне вслед, но я был уже далеко, чертыхаясь про себя. Неявное предчувствие чего-то необычного на секунду оставило меня, уступив место лёгкой досаде, потом полыхнуло с новой силой.

...Я сидел, тупо уставившись в монитор, и пытался выдавить из себя пару приличных строчек (НА ЧЕРТА Я ВООБЩЕ ЭТО ПИШУ?), когда в дверь постучали.

«А-а! Опять вахтер, сейчас окажется, что я расписался не в том журнале или на крайний случай...»

В дверях стояла Кузнечик. О БОЖЕ! Я не видел её около года и, по последним сведениям, она не только не имела ни малейшего желания меня видеть, но и даже не знала моего места работы. За то время, что я её не видел, она слегка подурнела. Или мне только кажется?

– Ну, заходи, – сказал я автоматически и опустил взгляд на её светлое платье.

Какая-то следующая дежурная фраза застряла у меня в горле, – платье Кузнечика в области живота было настолько оттопырено, что не было никаких сомнений в том, что она беременна, причем живот был настолько огромен, что выглядел совершенно неестественно.

«Сейчас скажет, что у неё внутри крокодил, и я должен немедленно помочь от него избавиться», – эта и ещё пара таких же диких идей посетили мою голову, пока я смотрел как она, с трудом протиснувшись мимо меня в дверь, проходила к свободному креслу.

– Не ждал? – взгляд её глаз был как всегда издевательски-ироничен.

Я плюхнулся в кресло напротив, так и не в силах отвести взгляд от её оттопыренного платья. Она неожиданно деловито взглянула на узенькую полоску часов на левом запястье и посмотрела мне в лицо строго и как-то озабоченно.

– У нас мало времени.

Если бы я хоть что-то понимал...

## Назад...

В группе, которая обучалась у БОМЖА (наконец-то я этому придурку придумал достойное прозвище!) наглых девиц было множество невообразимое. Но Кузнечик всех их оставила далеко позади. Мало того, что она была красива (профиль Нефертити, точёная фигурка и нежная гладкая кожа цвета лёгкого загара) – идеальная красота часто пугает, а её от идеала отличали, пожалуй, слишком крупные зубы и родинка над верхней губой (я радовался внутренне, представляя её лет в 50 с пучком чёрных волос, неистребимо вылезаящих из основания этой родинки, но она и здесь меня надула – несколькими годами позже она решилась на операцию (МУЖ настоял) и над губой осталось лёгкое пятнышко, придававшее её красоте оттенок капризной индивидуальности) – видел я, пожалуй, женщин и покрасивее – но тут другое. Вокруг неё было настолько густое облако откровенной сексуальности, что, попадая в него, можно было задохнуться. Я помню похожее чувство в кинотеатре, когда крутили «Основной инстинкт». Главная героиня быстро перекидывает одну ногу на другую, показывая зрителям аккуратно выстриженный лобок из-под короткой юбки. Это легкий ветерок страсти – не более, по сравнению с тем ураганом чувственности, который вихрем крутился вокруг Кузнечика.

Правда, на мой взгляд, с мужчинами ей не везло – на неё вечно «падали» какие-то полууголовные элементы, от которых трудно было бы отвязаться любой... Любой, но не ей! Она каждый раз умудрялась выкручиваться, но я всегда думал, что она плохо кончит.

До встречи с ней понятие «роковая женщина» для меня было не более чем расхожее выражение из какого-нибудь бульварного романа. Она же вызывала у меня лёгкое раздражение тем, что заставляла внутренне вставать «в стойку» независимо от моего желания. Я прикрывался цинизмом (старый трюк), предпочитая говорить ей мелкие колкости, на что она обычно отвечала мне тем же. В конце концов, у меня в то время была женщина, которой я был вполне доволен, до тех пор пока... Пока этот дурацкий БОМЖ не решил, что она отличная кандидатура для того, чтобы «набивать» его бессмертные произведения. ОН всегда был жутким эксплуататором – поначалу набором его бессмертных творений занимался я один – в то время я работал ночным сторожем в издательской фирме и имел по ночам беспрепятственный доступ к компьютеру (мой начальник был вполне приличный дядька). Конечно, ОН предложил ей за труд неплохие деньги (стала бы она работать даже на НЕГО бесплатно, сейчас, это ведь не я...) и она, будучи неплохой машинисткой, согласилась. С тех пор каждую третью ночь мы проводили вместе.

Компьютеры в то время были ещё редкостью, и Кузнечик, отлично печатая на машинке, понятия не имела о текстовом редакторе. Сложности, в общем-то, никакой, но у неё оказалась непонятная боязнь незнакомых приборов, и в первую же ночь работы она, преодолев свою всегдашнюю язвительность, разбудила меня посреди ночи, со слезами на глазах умоляя меня посмотреть куда делись с голубого экрана плоды её многочасовой работы. Увы, я попался! Начиная с того случая каждую ночь она печатала под мою диктовку, а я, глядя чуть сбоку на изгиб её тонкой шеи, с трудом заставлял себя сконцентрироваться на чтении. Ближе к утру она занимала мою раскладушку и довольно развязно рассказывала о своих последних любовных похождениях. Однажды я предложил сделать ей массаж, с ужасом ожидая ехидного отказа, однако она по какой-то прихоти согласилась. Спустя полчаса мы стали любовниками, она была дика и ненасытна, кричала очень ГРОМКО, называя меня чужим именем, и я чувствовал себя воров, тайком ночью примеряющим чужой перстень с бриллиантом.

В остальном всё осталось по-прежнему, пожалуй она стала даже более язвительной и недоступной для меня, чем прежде. В первую же ночь, видя, что я сейчас начну признания в любви, она сказала, что терпеть не может такого редкостного придурка как я, но в постели я ей доставил несказанное удовольствие. Она всегда была прямолинейной до грубости. Помню

свои стихи того времени: «Я душу за тебя продам» и «Ты только притворись, что ты моя...» – жалкое бессилие.

Кончилось всё несколько необычно – она «залетела» от своего очередного уголовника (а может от МЕНЯ?), а он её бросил, променяв на законную жену. Помню отчаянное бессилие в её взгляде, проглядывающее через всегдашнюю язвительность. Аборта она боялась жутко (я в то время был поверенным в её душевных делах) и я предложил ей выйти замуж за меня (НУ НЕ ОСТАВАТЬСЯ ЖЕ МАТЕРЬЮ-ОДИНОЧКОЙ). Она «руки и сердца» не приняла, только посмеялась... Аборт всё же сделала и, насколько я помню, навсегда лишилась возможности иметь детей (была какая-то ОЧЕНЬ сложная операция) и вскоре наши дорожки разошлись...

## Кое-что проясняется...

– Ты его видел!

Ни «Здравствуйте», ни «До свидания» – сразу быка за рога. Ничуть не изменилась за эти годы.

– КОГО видел? – спросил я, уже догадываясь, о ком она говорит.

– Только не пудри мне мозги, не до этого – честное слово. Сан Саныча, конечно, кого же ещё?

– Так это ОН? С каких это пор ОН стал БОМЖОМ? Впрочем, в каком-то смысле ОН всегда им был, но чтоб вот так реально... Ты уж извини меня, Ольга, но мне кажется, что ты ошиблась...

– Нет, ты точно дурак! Как им был, так и остался! Если я тебе говорю, что это ОН, значит это ОН!

– Да, но... По последним сведениям он умер и похоронен в США, в славном городе Бостоне...

– Ты может быть все-таки послушаешь сначала? – она нервно потеревила непослушную прядку волос со лба, что обычно означало, что она начинает злиться и не на шутку.

– Это я его привезла из Бостона! На свою голову.

– Так ОН не умер?

– Нет, конечно! Та есть да, но не совсем...

– По-моему, если кто из нас кому и пудрит мозги, так это ты! Кофе хочешь?

Этот простой вопрос её окончательно вывел из себя. Господи, какие все стали нервные!

– Какой к черту кофе! Тошнит от всего, только подумая... – она покосилась на свой огромный живот чуть не плача.

С беременными и сумасшедшими лучше не спорить. А если всё сразу...

– Ладно, рассказывай всё по порядку.

– Ты не поверишь мне, конечно, но Сан Саныча я всегда любила. Больше, чем все ВЫ. Ладно, не смейся только. Началось все с того, что я узнала, что ОН умер в Бостоне. Взвыла просто! Ну... и стала искать способа туда съездить, убедиться. На могилку взглянуть. Заикнулась своему Коле, да куда там! Он не бедный, конечно, – в своей клинике деньги лопатой гребет, но для него, видите ли, во всем нужна практическая выгода... Пришлось подключать связи, договариваться, чтобы меня в клинику положили для искусственного оплодотворения при Бостонском университете, я написала Ирине Андреевне... Через несколько месяцев я вылетела в Штаты.

– И...

– Что «и...»! Насмотрелась вдоволь на жирных янки, полюбовалась на однокомнатную Ирины Андреевны – ну, знаешь, там один кабинет, одна спальня, одна гостиная – это называется однокомнатная квартира. И пенсия! С последней «видак» купила... Ну, да это не важно. Узнала подробности насчет Сан Саныча – всё как и предполагалось: обширный инфаркт миокарда, двое суток в коме... Потом – скромные эмигрантские похороны, аккуратная каменная табличка. А потом я ЕГО встретила, в парке, как ты сегодня...

– Где же ОН был и КОГО похоронили?

– Да ЕГО похоронили, я думаю... – она неожиданно расплакалась. – Это ж оболочка, души-то нету! Совсем.

«Свихнулась!» – подумал я почти с сожалением.

У каждого в голове свой ТАРАКАН

## Появление покровителя

Вообще-то, насчет тараканов – для всех это расхожая фраза и не более. Для ВСЕХ, но только не для Стаса. Стас первые пять лет своей жизни прожил на Чукотке, отец его был полярным летчиком. И родился он не в палате с белыми простынями, а в чуме, воняющем рыбой и дымом. Родину не выбирают, родителей тоже. А внешность – тем более. Стас был некрасив даже по чукотским меркам – узкое вытянутое лицо, ниспадающие на лоб жидкие волосы. Вместо ушей – два коротких безобразных обрубка: мать не уберегла в детстве от жгучих морозов. Он с детства был нелюдим и замкнут. А когда отец увез его в далекий Екатеринбург и отдал в школу, всё стало еще хуже: кличка «Чукча» и постоянные тычки одноклассников заставили его окончательно замкнуться в себе. В учёбе, правда, он проявлял недюжинное упорство и свои «тройки» отработывал потом и кровью...

Главное событие в его жизни произошло, когда ему было десять лет. Нужно отметить, что семья Стаса жила на окраине, в одном из немногих оставшихся частных домов «деревенского» типа – рубленая русская изба: две комнаты и небольшая кухня, подворье с неизменной цепной Жучкой и небольшой огородик на задворках, отнимавший у всех домашних львиную долю свободного времени. Жили бедно. Мать – чукча по национальности – сидела дома почти безвылазно, даря любовь и внимание Светке – младшей дочке. «Экс-летчик»-отец, немолодой уже, отчаявшийся найти работу по специальности, устроился токарем на завод и быстро там запил – люто, по-русски. Не выходил из похмелья месяцами. Стас был предоставлен самому себе, любил уединиться и развлечения находил свои, особенные, одному ему понятные.

...В тот день он шёл из школы почти затемно – вторая смена кончалась поздно, и февральские сумерки уже вступали в свои права. Стоял лёгкий мороз, и небо высветило неожиданно ярко для большого промышленного города с его постоянным смогом. Отбросив все унижения прошедшего дня и Стас шел, открывшись морозу и небу, и мерещилось ему северное сияние, что помнил он лишь по рассказам... Казалось ему, что стоит его увидеть и сказать несколько заветных словечек, как сразу всё переменится в его жизни – станет он сильным и всех удивит, дав отпор однокласснику Мишке, который так любит над ним измываться... А в небе неожиданно просветлел горизонт, и желтый мигающий шар выкатился над многоэтажками, сея вокруг себя слабое голубое мерцание. Стас знал очень много про самолеты и мог легко отличить заходящий на посадку в Кольцово «Ан-24» от «Як-40», не говоря уж о «Тушках», хотя ему вряд ли бы кто поверил... Этот шар не был самолетом, не был он, правда, и вожденным северным сиянием, но это был ЗНАК, один из тех, в которые в детстве верят почти все и верят страстно. Стас бухнулся на колени прямо в сугроб и стал молиться. Не Богу – своей судьбе... И показалось ему, что грохнуло что-то над головой раскатисто и пронзило болью в правом ухе. Он взглянул на горизонт. Свечение пропало без следа. Внутри стало пусто и холодно. Размазывая по щекам нежданные слезы и тихо подвывая, он поплёлся домой и, не поужинав, сразу залез в свой любимый чуланчик за кухней, прозванный им «тараканьим» углом.

Этот закуток был отделен от кухни ветхой занавеской и служил складом продуктов – в основном мешков с крупами и, конечно же, складом всяких старых вещей, которые и не нужны уже вроде бы, но выкинуть рука не поднимается. Мечта Стаса о своей отдельной комнате, где можно уединиться, вылилась в то, что он упросил отца провести в этот чулан электрическую лампочку и устроил себе «лежанку» из двух мешков с перловкой, которую варили редко. Мать ворчала поначалу, но потом смирилась и махнула на это рукой. «Тараканий» угол вполне оправдывал свое название – на свет тусклой лампочки из щелей сбегались целые полчища тараканов, но Стаса это не смущало – он не был брезглив. Ему нравилось наблюдать за их

беготнёй, иногда он даже захватывал с собой для них хлебные крошки с обеда, впрочем стараясь, чтобы домашние это не заметили. Крошки предназначались не всем – с их помощью из широкой щели в стене он выманивал большого коричневого таракана, прозванного им Адмиралом. Стас считал его тараканьим начальником и, когда удавалось его выманить, он тихонько с ним разговаривал, рассказывая о своих мелких бедах...

В тот вечер Стас долго сидел без света, утирая рукавом сопли. Потом потихоньку успокоился, зажёл лампочку и замер – по всему чулану валялись тараканьи трупы.

«Неужели мать рассыпала отраву?!» – мелькнуло в голове. Он знал, что она панически боялась всяких ядов, что позволяло его питомцам жить спокойно. Он присмотрелся внимательнее и понял, что ошибся, думая, что его старые друзья были отравлены – тут и там среди тараканьих трупов ползали с победным видом их сородичи, огромные и чёрные. Он изловчился и поймал одного из них – он оказался каким-то удивительно тяжелым. Толстое брюшко было покрыто слизью и оставляло на пальце маслянистый индигово-чёрный цвет. Он выронил его на пол и тот, тяжело ударившись, замер на секунду, покрутил усами и пополз прочь. Стас перевёл взгляд на щель, откуда обычно вылезал Адмирал. Там шла кропотливая работа: несколько чёрных воинов вытаскивали из щели поверженного гиганта, а рядом, шевеля спиралевидно закрученными усами, сидел новый предводитель. Не видя сначала его собратьев, Стас, пожалуй, принял бы его за жука: огромный, синевато-чёрный, он, казалось, светился каким-то голубоватым сиянием. Глаза, величиной со спичечные головки, внимательно следили за выдворением поверженного врага. Стасу стало страшно, но он быстро взял себя в руки и осторожно стал снимать с ноги шлёпанец. Никогда раньше он не убивал этих насекомых, но сейчас что-то подсказывало ему избавиться от этого монстра. Ему показалось, что Таракан перевёл свой взгляд на него, и мышцы неожиданно свело судорогой. Преодолевая неожиданную скованность, мальчик схватился за шлёпанец и тут же почувствовал на руке несколько жгучих укусов.

*Он резко отдёргнул руку и бешено закричал...* И в ту же секунду понял, что тело не выполнило приказа – он видел свою руку, опавшую как плеть, и судорожно и беззвучно открывал рот, как рыба, вытасченная из воды. Попытавшись вскочить на ноги, он успел почувствовать ещё несколько укусов и упал навзничь, ударившись носом. Полная невозможность пошевелиться – как в самом ужасном сне. Ему хотелось потерять сознание, умереть, закрыть глаза, наконец, но это ему не удавалось. С ужасом и удивлением он смотрел, как безболезненно из носа вытекает кровь, скапливаясь в небольшую лужицу. Попробовал скосить глаза вбок – вроде бы получилось, но лучше бы он этого не делал! Чёрные твари, не спеша перебирая мохнатыми лапами, приближались к нему. Сейчас, когда он лежал на полу, они казались ещё больше. Первый из авангарда подошел к лужице крови и опустил в неё лапу, осторожно вытащил, принюхался... Из удлинённой головы показался невесть откуда взявшийся хоботок и погрузился в кровь. Стасу почудилось легкое чмокание.

«Это не тараканы, тараканы не пьют кровь... это сон, это просто страшный сон...».

Будто в опровержение этого один из кровопийц подошел к его подбородку и осторожно дотронулся усами до кожи, потом ловко залез на щеку и побежал к носу, пытаясь залезть в ноздрю. Нечеловеческим усилием Стас попытался чуть сильнее выдохнуть воздух. Таракану это не понравилось, он перелез на кончик носа и пополз к левому глазу. Мальчик попытался плотно сомкнуть веки, но не смог, а таракан уже вплотную подобрался к главному яблоку, высасывая хоботком пот и выступившие слёзы... Стас почувствовал, как по лицу уже плотным строем двигаются новые чёрные монстры, оставляя влажные полосы слизи на щеках, и в глазах у него потемнело...

«Если я потерял сознание, почему не помутился разум?» – подумал он почти с удивлением, но тут в левом глазу мелькнул свет сквозь решетку тел и лап, похожих на щупальца, и он

понял, что ничего не видит из-за того, что глаза плотно облеплены тараканами, и почувствовал, что его вырвало.

Неожиданно маска спала, и сквозь мутную пелену он увидел Главного, он полз по щеке к правому уху. Почти интуитивно он почувствовал, как, разгрызаемая, лопается перепонка, и стальная игла раскаленной боли потонула в кромешной тьме...

Очнувшись, боли он уже не чувствовал. Тело его уже слушалось, но навалилась ватная усталость. С трудом поднявшись, он забылся тяжелым, липким сном, мать добудилась его только к обеду. Съев с неожиданным аппетитом поздний завтрак, он побежал в школу, как всегда боясь опоздать.

Не опоздал. Учителя ещё не было, но класс уже был в сборе.

– Ч-у-у-кча пришла! – отреагировал на его появление мучитель Мишка с задней парты, показывая в глумливой улыбке щербатый рот. Прямо в лоб Стаса, словно майский жук, тяжело ударится шарик жёванной промокашки.

С привычной покорностью опустив голову, Стас уже начал садиться за парту, как вдруг он увидел всё в кровавой дымке.

«Вперёд!» – услышал он в своей голове инородный голос. Странно подёргиваясь, он в два прыжка подскочил к своему врагу и вцепился в шею. Послышался хруст позвонков, глаза Мишки удивленно выпучились. Мышцы у Стаса были слабенькие, но словно какая-то неведомая сила помогала ему, и если бы тяжёлый как медведь Фёдор не повис на нём сзади, растащить дерущихся бы не удалось. Стаса едва оторвали от хрипящего Мишки.

– Придурок! – сипел тот. – Смотрите, да он больной!

После уроков на него накинудись вчетвером. Яростный голос сменился почти на писк – таракан, забравшийся в мозги Стаса, впервые испугался. Под улюлюканье мальчишек Стас тяжёлыми прыжками отступил к забору и пролез в узкую щель между досками. Вслед весело летели комья снега и льда.

«Отомстиш-ш-шь, ты им всем отомстиш-ш-шь!» – шептал внутренний голос. «Ты дол-ш-ш-шен ш-штать ш-шильным, о-шшшень ш-шильным!».

Вечером он съел две добавки под удивленным взглядом матери, а потом отжимался на руках в своей каморке, пока не падал замертво. Отдыхал и начинал всё снова... Красный огонь перед его глазами пылал все сильнее.

Дети зачастую интуитивно чувствуют скрытую опасность, неведомую нам, взрослым. Вскоре Стаса в школе начали сторониться. Издевательства над ним постепенно сошли бы на нет сами собой, если бы не Мишка, который всегда был «без царя в голове». Пересиливая себя, он продолжал свои глумления, став, правда, осторожнее – на издевательства он рещался только в компании своих дружков.

Стас же тем временем окреп и раздался вширь. Руки его стали длиннее и свисали почти до колен, зато силу приобрели такую, что в спортзале на канате равных ему не было. Даже медведь Федька начал побаиваться тюфяка «Чукчи». Мишка же не унимался. Вопреки всем доводам он выискивал слабые места «Чукчи»: заметил, что тому не нравится яркий свет, бьющий в глаза, что не выносит сигаретного дыма и всяких там фейерверков и хлопушек – пугается и убегает.

Кончилось всё тем, что однажды Стас, объятый кровавым облаком ярости, приполз в подъезд, где жил Мишка, и, забившись в щель возле двери, замер в засаде, выжидая врага, чтобы покончить с ним окончательно. Мишку спасло то, что из квартиры он, тайком от родителей, вышел покурить. Увидев метнувшуюся из темноты к нему тень, он машинально щелкнул зажигалкой. В следующий момент от ужаса он выронил и зажигалку, и окуроч из рта, увидев перед собой дико верещавшее огромное насекомое. Узнал ли он в нём Стаса? Не знаю. Но испугались оба. Один – монстра из темноты, другой – таракан – открытого огня. С шипением

Стас отпрыгнул в угол, а Мишка покатылся вниз по лестнице. На крик выскочил отец Мишки, а Стас рванулся вверх, в спасительную темноту чердака.

Перелом ключицы и нервное расстройство – Мишке ещё повезло. А ещё больше повезло ему в том, что к осени родители решили отдать его в другую школу. А в классе вскоре хмурого и нелюдимого подростка Стаса уже никто не решался назвать «Чукчей».

У каждого в голове свой ТАРАКАН

## Срастание

Почти каждому из нас свойственно считать себя избранным. Как с основанием на это, так и без оно. Это совсем не сложно. А если тебе об этом каждый день твердит внутренний голос – тем более. ТАРАКАН, цепко засевший в мозгу ребенка, как паук в центре паутины, ловко манипулировал не оформившимся ещё сознанием Стаса, ловко дёргая за нужные ниточки. Однако Стасу нужно отдать должное – он пробовал сопротивляться. Особенно поначалу. Чтобы избавиться от своего паразита, пробовал спицей залезть в ухо, но тут же корчился от боли.

Потерпев первое поражение, он ударился в панику, однако вскоре понял, что враг ему не так уж и страшен – только на короткие мгновения разум его попадал под чужеродный контроль, всё остальное время он мог только бессильно нащёптывать ему советы, а их можно и НЕ ЗАМЕЧАТЬ! ТОТ в ответ на непослушание мог устроить головную боль, но пара таблеток аспирина отключала ЕГО на некоторое время... Противостояние, однако, длилось недолго: Стас быстро понял, что ГОЛОС может приносить ему кое-какую пользу, а ТОТ нашептывал ему: «Ты – иш-ш-шбранный, слу-ш-ш-шайся меня и ты будеш-ш-шь ш-ш-ш-ильным, ты победиш-ш-шь вш-ш-шех своих врагов и будеш-ш-шь ими повелевать!». Стасу это нравилось, он упорно занимался физическими упражнениями и вскоре привык к своему ТАРАКАНУ. «Мы ш-ш тобой теперь одно ш-ш-елое» – шептал ТОТ. – «Вмеш-ш-ште мы непобедимы!».

Страх прошел. ТАРАКАН ничего не приказывал своему хозяину, лишь следил за тем, чтобы тот был сильным и здоровым, помогал ему избавляться от мелких неприятностей. Казалось, он выжидал. У Стаса, помимо физического развития, развилось и другое качество, замеченное и взлелеянное его новым покровителем – неимоверное упорство. Не отличаясь сколько-нибудь выдающимися способностями, в учёбе он брал усидчивостью и недюжинной работоспособностью, развивал память. ТАРАКАН это поощрял, но, в общем, не вмешивался. Казалось, его заботит лишь физическое состояние Стаса... Впрочем, поощрялась и его нелюдимость. Найдя в своем покровителе собеседника, а зачастую советчика и даже наставника, Стас не нуждался в приятелях...

Всё стало меняться через несколько лет, когда началась пора полового созревания. Подроски в это время зачастую выходят из-под контроля родителей. Но тут другое – от своей головы не убежишь. Почувствовав пробуждающуюся природную сексуальность в организме своего хозяина, он активно поощрял в нем разглядывание скабрёзных картинок, нашептывая при этом: «Потерпи чуть-чуть, ДРУ-Ш-Ш-ШОК, в-ш-ше ш-ш-шамки будут твои!». Однако общение с девушками не поощрял. До поры до времени.

У каждого в голове свой ТАРАКАН



## Выпускной вечер

ТАРАКАН приказал не пить спиртного. Ну и пусть. Ему не нужна была водка, достаточно было того, что сегодня он впервые почувствовал настоящий охотничий азарт. Кто это будет? Может быть Светка? Она самая симпатичная в классе.

«Нет!» – твёрдо отозвался внутренний голос.

Ничего, подождём! Казалось, этот вечер не ему одному казался таким особенным. Те ли это девочки в школьной форме, которых он видел ещё вчера? Сидя в заднем ряду актового зала, собравшего выпускников, он с удивлением разглядывал возбуждённые, покрытые дешёвой косметикой лица одноклассниц, сверкавших сегодня оголёнными плечами из кружев белоснежных платьев и стройными ногами в светлых колготках.

Первый выход «в свет». Для некоторых из этих щебечущих пташек, которых ждёт в ближайшем времени скоропалительное замужество и – от неумения предохраняться – столь же скоропалительные дети от одного из этих напыщенных прыщавых юнцов, этот выход «в свет» так и останется последним светлым праздником в жизни, когда можно всем мальчикам «строить глазки» и чувствовать себя такой независимой, такой свободной...

– Подаю документы в театральный, – слышит сбоку Стас нежный девичий голосок, – тётка обещала репетиторшу из мастер-класса, и недорого...

– А я думаю на «иняз», это сейчас жутко престижно! – отвечает ей второй голос.

– Да ладно вам, девчонки, сегодня о своих поступлениях, выпускной всё-таки. – Стас узнал Светкин голос. – Вы знаете, что Федька в бутылки с «Тархуном» втихую долил медицинского спирта, к вечеру на ногах стоять не будете!

К вечеру на ногах действительно мало кто стоял. Так уж повелось на русских праздниках: нужно надеть самую красивую одежду, за столом напиться до свинячьего визга, а потом ещё добавить где-нибудь в компании. Парням, конечно, ещё и подраться, ну и уж «склеить девчонок» – это обязательно.

А они сегодня и не против! Пьют все почти наравне с парнями, даже учителя все «под мухой». И, конечно же, пьяная дискотека – «медляки» через каждые два танца и парочки танцуют и целуются уже не таясь. Входной билет во взрослую жизнь.

Стас не пил, один из немногих. Он шнырял от компании к компании, нигде особо не задерживаясь. Принюхиваясь к потным телам, он искал ЕЁ.

ТАРАКАН молчал.

Эта? Может быть ЭТА?

Нет, нет и нет.

«ОНА!».

Это не он сказал. Устав от ожидания, он даже не удивился, что ОНА была некрасива и пьяна. Час уже был поздний, и все мелкими группами по школьной традиции шли «на Плотинку», к реке, благо недалеко, и там уже «доходили до кондиции», мешая вино и водку, неумело храбрясь и пытаясь ухаживать. Самых ретивых уже выворачивало в ближайшие кусты.

Боясь спугнуть свою решимость, Стас твёрдо шагнул к избраннице.

Это была Валя из параллельного класса. Девушка не сильно умная и далеко не красивая, она обладала крепко сбитой крестьянской фигурой с большой грудью и крепкими ногами. Эта не мечтала об «инязе» – обязанная матери своей крестьянской сообразительностью, она уже определилась в кулинарный техникум. Относительно своей внешности она тоже не заблуждалась, знала только, что парня «из умных» надо цеплять, пока ещё молода – потом не возьмёт никто. А, «зацепив», главное – не «давать» до свадьбы, а то ускользнёт. Не обласканная сегодня мужским вниманием, она покорно пошла со Стасом: «Какой-никакой, а всё же!».

Лучше бы он выбрал одну из «шлюшек»!

Недостаток общения со сверстниками подводил Стаса. Буквально выволочив за руку Валу на улицу, он не знал, что делать дальше. На дискотеке всё же было чуть проще: он говорил ей что попало, глядя в глаза и зная, что за грохотом музыки она всё равно ничего не услышит. Теперь он был почти оглушен тишиной майского вечера.

– Я обещала пойти с Ирккой, – щебетала рядом Валя, и Стас понял, что ему ещё повезло, что за ними никто не увязался. – Ну да ладно – идём на Плотинку?

«Будь ре-ш-ш-ителен!», – шептал внутренний голос. «На плотинке фонари и много народу, тебе может кто-нибудь помешать».

– Может быть, пойдём через парк? – выдавил он из себя.

– Почему бы и нет?

Не зная, что ожидать от этого тьюфяка, она решила на всякий случай соглашаться.

Аллеи парка были полны знакомой и незнакомой молодёжи. Пару раз их окликнули, но Стас поспешил свернуть в сторону.

– Куда ты меня ведёшь, там же тупик! – запротестовала Валя.

– Там есть лавочка, посидим немного. – Стас попытался сымитировать пьяный голос, но сорвался на хрип.

– Ну... ладно. Только недолго! А потом пойдём на Плотинку. Ты такой мрачный всегда, я боюсь.

– Сегодня я весёлый. Мы с тобой выпьем. – Он достал из внутреннего кармана пиджака припасенную заблаговременно бутылку портвейна.

– Из горла? Ну да ладно. – Валя уже прилично выпила и не была щепетильной.

Стасу повезло. Лавочка была свободной, и голоса звучали только в отдалении. Усевшись на лавочку, он открыл бутылку и, наплевав на запрет, сделал глубокий глоток. ТАРАКАН что-то заверещал, но он его не слушал. Передав Вале бутылку, он почувствовал волну влечения и наклонился к её губам. Вроде бы так.

Валя повернула голову, и губы его упёрлись в щёку.

– Стасик, не надо! – прошептала она и хлебнула из бутылки.

Ах, это «Не надо!». Иногда оно звучит как приказ с обратным смыслом. Стас схватил двумя руками Валу за щёки и прижал её губы к своим. Она не сопротивлялась. Пахнуло сладковатым запахом портвейна. Неожиданно её язык раскрыл его губы и проник в рот. Это было неожиданно и противно, но он стерпел. «Видимо так надо», – подумал он, но тут же почувствовал снова губами щеку.

– Не надо!

Вдохновленный, он обнял её левой рукой за плечи, а правую положил ей на грудь. Тут он встретил молчаливый, но решительный отпор. Её рука отталкивала его, а губы шелестели одно:

– Не надо, Стасик, не надо, не надо!

Он, конечно, был сильнее её, и через секунду она замерла в его объятиях. Решив, что сопротивление сломлено, он оголил ей юбку, пытаясь раздвинуть плотно сомкнутые крепкие ноги. И тут же почувствовал жестокий укус в щеку. Вскрикнув, он ослабил хватку. Валя вскочила, потная и решительная.

– Я же сказала не надо, Стасик!

Больше всего его задевало это уменьшительное «Стасик». Он попытался обнять её, но всё время наткнулся на острые локти. Оба сопели от напряжения. Извечная борьба полов на арене влечений.

Стас был силен и вошёл в раж со всегдашним своим упорством. Но Валя была не менее упорна. Ему уже было почти противно смотреть на её покрасневшее лицо и помятое и надорванное местами платье. Она отбивалась молча, шепча временами:

– Не надо, я буду кричать.

Не выдержав, он молча и тяжело ударил её ладонью по щеке. Её голова мотнулась в сторону, на алой щеке остался отчётливый белый след.

– Что это тут происходит? – неожиданно раздался из темноты пьяный голос.

Воспользовавшись неожиданной подмогой, Валя рванула в сторону. Стас рефлекторно схватил её за край платья. Послышался отчётливый треск рвущейся материи, показалась обнажённая грудь с тяжёлыми сосками.

В девяти случаях из десяти этим бы всё и закончилось. Девушка бы вырвалась и убежала, а парень был бы спугнут неожиданным свидетелем.

Но Стас не таков, он упорен. Помеха только разозлила его.

– Вали отсюда! – бросил он в темноту и стал наматывать на руку остатки платья.

– Помогите! – вырвалось у Вали.

На голос из темноты вышел здоровенный пьяный детина и сказал:

– Ну ты, сопляк, отпусти девушку, не видишь она тебя не хочет. – На Стаса пахло водочным перегаром.

Он отпустил тут же бросившуюся бежать Валию и нанес детине два коротких удара в живот без размаха. Всё-таки он ещё не знал своей силы до этого – парень упал на землю, лоя ртом воздух, а Стас бросился за мелькавшим белым силуэтом впереди.

Он догнал её в несколько прыжков и ударил сзади кулаком по затылку. Девушка как подкошенная рухнула навзничь с глухим стоном. Одним рывком содрал с неё остатки платья и трусы, он замер на секунду. Говорят, в такие моменты решается, может мужчина быть насильником или нет. Вале не повезло. Стас мгновенно ощутил такое мощное возбуждение, что едва сразу не кончил. В этот момент ярость оставила его, он чувствовал почти вдохновение. Вот оно! Не нужно никаких уговоров, никаких ухаживаний и пустой болтовни, бери и пользуйся. Едва удержавшись от победного воя, он приподнял бесчувственный зад и вошёл в неё одним мощным рывком, чувствуя как рвётся что-то под его яростным напором. Вонзаясь в неё всё глубже, он, казалось, хотел весь войти в неё, чувствуя близость семяизвержения. На пике он издал звериный вопль и замер, почувствовав великую значимость этого события. Спокойно натянул брюки и, взглянув на оживающее тело, ухмыльнулся, затем, обойдя сбоку, стал мочиться ей на лицо.

Веки дрогнули. Взгляд её был мутен, она прошептала:

– Я... тебя... посажу! – Всё-таки это была мужественная девушка, в глазах её не было страха.

Стас, ничего не отвечая, открыл клапан на нагрудном кармане рубашки и, вынув таракана, осторожно посадил его на мочку уха девушки. Аккуратно перебирая лапками, насекомое медленно стало заползать в ушную раковину.

Голова Вали мотнулась, но он крепко прижал её к земле, а когда таракан скрылся с глаз, схватил её крепко за волосы и стал пристально глядеть в упор в её глаза. Лицо её исказило гримасой боли, но он навалился всем телом, продолжая смотреть. Складки на лице её расправились. Тогда он спокойно сказал ей:

– Сейчас ты оденешься и пойдешь домой. И никому ничего не скажешь. Беременность будешь скрывать насколько возможно, ребёнка будешь воспитывать сама. Я прослежу. Всё поняла?

Голова девушки медленно мотнулась в знак согласия. Удовлетворенно хмыкнув, Стас отряхнул землю с брюк и пошёл прочь. Уже в отдалении он, оглянувшись, увидел, как девушка медленно надевает на себя обрывки платья. На душе его стало легко и радостно. Домой он зашёл, насвистывая что-то себе под нос.

У каждого в голове свой ТАРАКАН

## Маньяк № 1

С тех пор Стас с нетерпением ждал нового задания ТАРАКАНА. Он попал в свою стихию. Он стал более раскован и весел. Летом легко поступил в пединститут – в армию не заберут и девушек поблизости много.

На «задания» выходил он в это лето довольно часто и с удовольствием оттачивал своё мастерство. Учитывая первые свои ошибки, он вечерами часто слонялся по безлюдным местам, выбирая одинокую жертву. Без всяких разговоров он оглушал девушку ударом кулака и насиловал. Потом, запустив ей в мозг таракана, обязательно приводил в себя и объяснял «задание». Не прочь был и покуражиться – выпрашивал имя, адрес, число любовников – отвечали послушно. Завёл дома «амбарную книгу», куда заносил все подробности о своих «возлюбленных». В конце сентября, когда он закончил свой «сезон охоты», там было уже 46 имен. А с февраля он начал наносить визиты молодым мамам, как врач, занося в свою книгу имена, даты рождения и пол детей. Шутливо интересовался здоровьем. Женщины реагировали на его приходы совершенно спокойно, объясняя родственникам, что это врач из поликлиники. Стас был счастлив.

Первый прокол он допустил на 121 своей жертве, на одной из редких ласточек «межсезонья» конца сентября.

В тот вечер Стас долго бесцельно бродил по аллеям центральной улицы города, всматриваясь в женские лица в поисках жертвы.

Не та, опять не та.

Его внимание привлекла худенькая брюнетка – короткое каре, очки, легкомысленная сумочка.

«Наконец-то», – подумал он и осторожно двинулся следом. В надвигающейся темноте её светлый плащ был виден издалека. Незнакомка уверенно свернула в один из дворов и двинулась к подъезду многоэтажного дома. Стас чуть добавил ходу, нырнул за ней в подъезд и спокойно подошел к ней, ожидающей лифт.

– Вам какой? – спросила она его, когда лифт подъехал.

– Верхний, – ответил он, не задумываясь и, как только лифт тронулся, легонько передал ей сильными руками сонную артерию.

Всё произошло почти идеально – брюнетка успела пару раз лягнуть его шпилькой по ноге, но он даже не поморщился. На этот раз он старался действовать осторожно – больно уж хлипкая была на вид жертва. Остановив лифт между этажами, он осторожно проверил пульс – нет, не перестарался – и стал аккуратно раздевать жертву. Взглянул на лицо – она была удивительно красива, ему это понравилось, только сейчас он начал возбуждаться по-настоящему. В упавшей на пол сумочке что-то звякнуло. Он заглянул туда с интересом и, увидев баллончик с нервно-паралитическим газом, ухмыльнулся, порылся ещё немного. Паспорт на имя Семеновой Ольги Сергеевны. Она, такая симпатяга на фотографии. 22 года, замужем, детей нет. Замужем? Ну – это даже к лучшему.

Осторожно сняв с головы шляпку, он кинул её в угол лифта. Плащ полетел следом, за ним туфли на шпильках, тёмно-синее вечернее платье (В ТЕАТР ЧТО ЛИ ХОДИЛА, ПОЧЕМУ ОДНА?). Никакого лифчика, только золотой кулончик со знаком «Телец» – повертел в руке и бросил в общую кучу. Грудь маленькая, но очень изящная, с торчащими вверх упругими сосками. Кружевные чёрные трусики очень красивы. Он аккуратно стянул их, обнажив идеально выбритый лобок с оставленной тонкой полоской черных волос. Не часто ему приходилось встречать такую ухоженную женщину, он порадовался, что это произошло в лифте при хорошем освещении, а не где-нибудь в тёмном парке, как это часто бывало. Стас долго и с

удивлением разглядывал холёные руки с миндалевидными ногтями, покрытыми нежным розовым лаком. Никакого изъяна – пара родинок на плечах и всё. Кожа – нежно-коричневая, загар по всему телу ровный.

Девушка тем временем начинала подавать признаки жизни. Почти с сожалением Стас подумал, что придется может быть «отключать» её ещё раз и решил поторопиться. Взяв её сзади, в привычной для него позе, он все-таки сделал это осторожно и с необычайной для него нежностью. Не утерпел – погладил сзади плечи и волосы. Безвольное тело под ним начало оживать и выгибаться дугой, а потом... он услышал стоны, которые не были стонами боли. Он усилил темп и брюнетка начала двигаться ему в такт, издавая громкие стоны и крича:

– Ещё! Сильнее! Да!

Он кончил с громким криком, но не спешил выходить. А брюнетка неожиданно выскользнула из-под него и ударила пяткой в лицо, одновременно нажимая кнопку лифта. Это было так неожиданно, что не успел он сгруппироваться, как она уже выскользнула из лифта и, прихватив сумочку и одежду, как была – голышом – бросилась к двери, на ходу вытаскивая из сумочки ключ. Дверь захлопнулась раньше, чем он смог даже выйти из лифта. Не тратя даром времени, он сразу же нажал кнопку 1 этажа. Выходя из лифта, заметил, что в углу что-то блеснуло. Он поднял кулончик и неторопливо побрёл домой. Возвращаться сейчас, конечно, было опасно, но он ещё вернётся!

Он возвращался, и не раз, на свой страх и риск. Дверь, однако, никто ему ни разу не открыл.

## Чем дальше в лес...

– У нас мало времени, – повторила она снова, глядя на изящный миниатюрный браслет на запястье. – Муж вот-вот начнет беспокоиться, я завтра вырвусь нормально, ладно?

– Как хочешь, – ответил я.

В конце концов, это её дело.

– Есть, правда, ещё одна проблема... Ну да ладно! Я и так уже тебя сильно «напрягаю».

– Раньше тебя это не смущало. Но, подожди! Ты же меня знаешь, мне нужно тебя о многом расспросить, чтобы помочь.

– Ну вот и накидай планчик к завтрашнему, ты же (ХИ!) журналист.

– Ладно, но скажи, хотя бы, откуда ОН взялся, по твоему мнению?

– Подумай сам, я не знаю. Наверное, вылез из могилы, – она усмехнулась. – Ладно, до завтра.

– Пока.

– Пока!

Когда дверь за ней закрылась, я сел в кресло совершенно ошарашенный. Что за денёк!

Включил компьютер, открыл «Word» и создал файл «ВАРИАНТЫ. doc».

Анализ ситуации всегда помогал мне сосредоточиться.

*Вариант 1 (самый вероятный):*

*Сан Саныч решил имитировать свою смерть. Он подстроил собственные похороны, а потом свихнулся там, в этой грёбаной Америке, от чудовищной капиталистической жизни, став бомжом.*

Сам ты свихнулся от ЭТОЙ грёбаной жизни! Разве Сан Саныч мог самостоятельно ТАК свихнуться? Наверняка ему помогли! Хорошо.

*Вариант 2:*

*Сан Санычем заинтересовались американские спецслужбы. Какое-нибудь там ЦРУ или ФБР, или не знаю, кто там этим занимается. Довели бедного Сан Саныча до сумасшествия и отправили подыхать на улицу.*

Стоп! Если бы его до такой жизни довели спецслужбы, то они его или прибили бы, или в какой-нибудь спецтюрьме держали, но на улицу бомжевать точно бы непустили. Что-то тут не то. Всё не так. Для создания вариантов мне пока не хватает информации. Итак, надо подумать, что мы знаем.

*Что мы знаем:*

Нужно постараться разложить всё по полочкам. Итак, Сан Саныча я не видел три года. Из страны он уехал, так как перебежал кой-кому дорожку. Может быть его отсюда «достали»? А что, это тоже вариант! Я стёр «Что мы знаем:» и напечатал:

*Вариант 3:*

*Кто-то из врагов Сан Саныча в России «заказал» его в Бостоне. Причем диким способом: сначала прибил, потом оживил и отправил бомжевать в непотребном виде.*

Господи, какую ересь я несусь! Точно, мозги от жары совсем расплавились. Лучше попробую, как хотел вначале. Снова набрал:

*Что мы знаем:*

1. *Три года назад Сан Саныч исчез из дома.*

Так, это факт достоверный, дальше.

2. *Около двух лет назад его мать получила короткое письмо из Турции, в котором он говорил, что удачно пересёк границу и собирается ехать на запад. Потом было ещё письмо, и опять из Турции.*

Стоп. Вроде бы я слышал, что он какое-то время жил в Будапеште, а это, как известно, в Венгрии, а не в Турции... Ну да ладно, об этом достоверно я точно ничего не знаю, поэтому об этом пока упоминать не стоит. Итак:

*в котором сообщалось о том, что ему удалось оформить визу в США, и на днях он туда выезжает.*

А ведь наверняка всё было не так. Сам я этих писем не видел, зато видел другие его письма разных лет. Если там и было что-нибудь такое, то явно не прямым текстом. А в письме, скорее всего, фразы типа: «Помолись за меня, мама...» и куча стихов, а информации – никакой. Он уж скорее бы позвонил, да и то, если бы и сказал что-то, то «эзоповым» языком, мне ли этого не знать. Так что я опять чушь здесь пишу. И вообще, вероятно, он был не один – что-то я не припомню, чтобы он хотя бы в одну серьезную поездку в последнее время отправлялся один.

Ладно, пойдём другим путём. Ниже графы «*Что мы знаем:*» я поставил графу:

*Что нужно узнать:*

И ведь нельзя сказать, чтобы я не интересовался этим делом раньше! Вечно всё, что связано с Сан Санычем, белыми нитками шито! Ладно.

1. *Поговорить с матерью Сан Саныча с целью узнать известные ей подробности о его жизни в последние годы перед «смертью».*

Звучит неплохо. Может быть, ей просто привести самого Сан Саныча? Нужно спросить об этом у Кузнечика. Нафига он ей вообще нужен (в смысле Кузнечику)? Ага!

2. *Узнать, зачем нужен сегодняшний («чокнутый») Сан Саныч Кузнечику*

Стёр «Кузнечику», написал:

*Ольге и на хрена она вообще (и как!) притащила его в Екатеринбург.*

В общем-то, некорректно. Если бы, к примеру, я сам встретил его в Бостоне в таком виде, тоже бы постарался его вытащить, без вопросов... Или сплавил бы его Ирине Андреевне и прочим его родственникам. Так-так!

3. *Узнать у Кузнечика*

Тьфу-ты!

*Ольги, посвятила ли она Ирину Андреевну и прочих «американцев» в «воскрешение» Сан Саныча из мёртвых*

Стоп, опять стоп! А может быть, они знали об этом? Тоже бы неплохо это выяснить.

*и помогли ли они ей переправлять его обратно в Россию.*

Может быть, в результате можно избавиться от этой дурацкой кузнечиковской мистики? Она действительно может мозги запудрить кому угодно! А, и самое главное!

4. *Встретиться с самим Сан Санычем, т. е. с БОМЖОМ.*

Стёр «т. е. с БОМЖОМ».

*и поговорить с ним, посмотреть, что из этого получится.*

Перечитал всё, поморщился и подвел итог жирным:

***Поговорить с мамой Сан Саныча, с Ольгой и с самим Сан Санычем – будем надеяться, что всё прояснится.***

Немного успокоился. Доживём до завтра.

## Понедельник

Нет, всё-таки понедельник в редакции – это тебе не в воскресенье прийти и «чай погонять». Омут! Всё утро обзванивал «ментовки» в поисках «свежих трупов» – Светка опять взяла «больничный» и пришлось отдуваться за неё. Только закончил – прибежал Олег с заготовками рекламных объявлений, перекусывать пришлось не отрываясь от компьютера. Только к концу дня меня будто током тряхнуло – Кузнечик не пришла!

Я стал рассеянным, слава богу, мы уже почти всё закончили.

– Ну что, Саня, по пиву? – поинтересовался Олег.

– Не, давай не сегодня. Я, пожалуй, посижу ещё. Ты иди, я всё закрою.

– Хозяин-барин. А я, пожалуй, загляну к Светке, узнаю, что это с ней сегодня приключилось, – он подмигнул мне хитро, – может вылечу.

– Опять тебя на лестницу выставят! – Интерес Олега к Светке был давним, но все знали, что в фаворитах он у неё не ходит. – Но, впрочем, удачи тебе, в любом случае.

– Ладно, счастливо!

– Пока!

Я достал свой пухлый «адресник» и стал искать Кузнечика. Бог ты мой, как давно мы с ней не виделись до вчерашней встречи! Она и знать и не знала, где я работаю, а я – о ней. Ага, Надым – домашний адрес родителей. И всё! Телефона нет. Вот и приехали, что я у неё вчера адресом не поинтересовался? Может быть ещё придет, или вообще ЭТО ЕЁ ПРОБЛЕМЫ?

Нет, всё-таки нет. Говорят, у работников милиции и у журналистов «выгорание души» – профзаболевание № 1. Такого повидаешь... С другой стороны, их от всех прочих людей отличают профессиональные навыки. Да что это я вообще. Сейчас просто по фамилии узнаю номер телефона... Как же! А ты знаешь её фамилию по мужу?

Ладно, пороемся по Надыму. Вот, Надя Куткина – подруга Ольги, наверняка знает если не адрес, то хотя бы новую фамилию Кузнечика.

Я набрал Надым – трубку никто не брал. Хорошо, дозвонимся позже. Есть ещё мама Сан Саныча – Раиса Илларионовна. Начнем с неё.

Раиса Илларионовна жила в коммунальной квартире, совсем недалеко от редакции. Я позвонил ей и предупредил, что зайду в гости. Она не была удивлена – в этом доме я в своё время был завсегдаем.

Покупая пачку печенья «к чаю», я подумал, что совсем давно к ней не заходил, а зря! Несмотря на то, что этой женщине было за 70, мы дружили почти как ровесники. Если бы не здоровье, которое время от времени её подводило, она бы еще давала «фору» таким «молоко-сосам» как я во многом. Временами я даже с грустью думал о том, смогу ли я хотя бы дожить до такого возраста, а уж тем более вести такую полноценную жизнь, дожив до таких лет. Литературные кружки, общество «Мемориал», публикация стихов и мемуаров – когда она все это успевает? В общем, она ничуть не напоминала мне обычных бабушек-пенсионерок.

– Здравствуйте, Раиса Илларионовна!

– Проходи, Саша. Ставь чайник, я сейчас закончу, – ответила она, оторвавшись от портативной печатной машинки. Я заглянул уголком глаза – новые стихи.

Заварив хороший чай, мы закусывали печеньем. Я не спешил с расспросами, зная, что, несмотря на все достоинства Раисы Илларионовны, у неё достаточно сложный характер. Её утверждения, что она «старая больная женщина», в качестве ответа на нежелательные расспросы, в нашем кругу стало нарицательным. Впрочем, раньше к этому был повод – её сын был «в бегах» – и расспросы могли ему чем-нибудь навредить. Сейчас же всё это – дела минувших лет, если только она не знает об этом больше, чем я...

– Раиса Илларионовна, Вы помните Ольгу Кузнец?

– Помню, конечно. Что за дурацкий вопрос? Вы же раньше вместе часто сюда таскались...

– Так вот, я её не видел несколько лет, а вчера мы случайно встретились.

– И что?

– Да я, дурак, не спросил у неё нового адреса и теперь не знаю, как её найти.

– А я откуда знаю? – В её голосе уже слышалось лёгкое раздражение. – Сюда она не заходит.

– А кто может знать её адрес или хотя бы новую фамилию?

– Ладно, давай позвоним в Надым.

– Я уже набирал Надьку Куткину, но пока не дозвонился.

– Дурак! Надо было Люде звонить, она наверняка знает.

Про Люду я не подумал, хотя вдова Сан Саныча, а это была она, Ольгу всегда недолюбливала. С другой стороны, они почти соседи – живут близко, и если не адрес, то хотя бы её новую фамилию она знает точно.

– Сейчас я сама позвоню в Надым, только междугородку ты мне оплатишь! – сказала она и пошла к телефону.

– Конечно, – отозвался я и, мимоходом наблюдая за тем, как она набирает номер, думал о том, как же её расспросить о Сан Саныче.

– Алло! Люда, это ты? А, Вовочка! Здравствуй! Нету? Спасибо. Молодец, ладно. А ты не знаешь адрес Ольги Кузнец? Нет? А фамилию мужа? Как? Семенов? Ага. Как Светочка? Ну хорошо. Ладно. Ладно. Ну привет Люде, пусть позвонит. А? Ну хорошо. Всё, пока!

– Семёнова ее фамилия, – обратилась она уже ко мне.

– Спасибо. Можно мне позвонить?

– Звони, что ты спрашиваешь!

Я набрал номер.

– Светка, ты? Как здоровье? Ну, слава богу! Что, уже выгнала? Бедный Олег! Светка, ты жестокий человек! Ну, ладно, слушай! Включи, пожалуйста, свой «комп» и посмотри телефончик Николая Семёнова. Отчества не знаю. И перезвони мне, я у Раисы Илларионовны, помнишь номер? Записан? А, ты же у нас всё записываешь! Всё, жду.

– Раиса Илларионовна! – я решил действовать прямо. – У Вас сохранились письма Сан Саныча, последние?

– Ну, Саша, ты же знаешь – все бумаги у меня в подвале! Что ты хочешь, я тебе так всё расскажу!

«Главное, чтобы не начала расспрашивать, зачем мне это нужно, а то я могу запросто проколоться», – подумал я и продолжал:

– Мне нужен его последний маршрут, а потом про Бостон.

– Ну, слушай! В общем, вроде бы он был в Архангельске у друзей, а потом в Питере. Там решил ехать за границу. Границу переходил, по-моему, пешком, в Чопе. Там три границы сразу, так вот – он подался в Венгрию и жил несколько месяцев в Будапеште, там он каким-то образом получил визу в США, как – не знаю, но оттуда он уже вылетел сразу в Бостон...

– Подождите, но я слышал о письмах из Турции...

– Нет, ну ты точно дурак! Человека ищут, а он не хочет, чтобы его нашли... кто-то там ехал в Турцию, он и попросил отправить письма оттуда! Если бы была возможность, он бы, наверное, вообще отправил их внутренней почтой по России! Слушай дальше – из Бостона уже пришло письмо от Ирины Андреевны, из которого я узнала, что добрался он нормально и его встретили. И всё. Когда он погиб, был телефонный звонок от той же Ирины Андреевны, потом подробности – письмом.

Я чувствовал, что Раиса Илларионовна сейчас начнёт плакать, и поспешил немного сменить тему.

– А Вы знаете, что та самая Ольга была в Бостоне прошлым летом?

– Да знаю, конечно! Перед отъездом она прибежала, выпросила у меня все адреса, а потом, сволочь, даже не удосужилась зайти и рассказать.

В её глазах стояли слезы, и телефон зазвонил очень вовремя.

– Это меня! Алло, Светка? Ага, Семёновых много, но Николай один? А его отчество? Отлично, пишу! Еще раз! 35-36-09, всё записал, спасибо! Завтра увидимся, пока!

– Ты ей скажи (СКВОЗЬ СЛЕЗЫ), что так поступать нехорошо!

– Обязательно, обязательно! Вы не переживайте, я всё устрою! Скажите только, в том письме... в общем, отчего он погиб?

– Всё, Саша, иди! Иди домой, или куда ты там. Сколько можно, я же тебе рассказывала! Он пропал без документов, потом уже узнали, что на улице у него случился сердечный приступ, и умер он в больнице. Тело кремировали и хоронили потом только пепел...

– Ладно, я бегу! Найду Ольгу, сразу позвоню!

– Ладно, Саша, иди!

Я выскочил на улицу и поспешил в парк, на скамейку, чтобы спокойно все обдумать.

Кузнечик не появилась у Раисы Илларионовны, конечно же, из-за этого БОМЖА, а то, что я сегодня узнал, говорит, скорее всего, о том, что похоронен в могиле не ОН! Что ж, это всё объясняет, по крайней мере никакой мистики! Непонятно, почему Кузнечик не пришла сегодня ко мне? Может, заболела? Боже, она же на девятом месяце! Нет, я точно дурак! Хлопнув себя по лбу, я побежал обратно в редакцию.

Сорок минут обзванивания больниц ничего не дали. Зато с помощью телефона я узнал адрес – «многоэтажка», из новых, прямо на проспекте Ленина. Все равно нужно туда звонить.

Слава богу, трубку взяла ОНА, хотя я, внутренне готовясь к худшему, уже приготовился разговаривать с Николаем Анатольевичем. Пронесло!

– Ольга, это я!

К её чести, она узнала мой голос сразу.

– Твой телефон, быстро!

– Ну вот, так всегда! – подумал я и быстро продиктовал ей номер.

– Всё, жди звонка! – сказала она торопливым шёпотом и отключилась. Что у неё там стряслось?

У каждого в голове свой ТАРАКАН

## Приказ

ТАРАКАН в голове Стаса взбунтовался.

«Еш-ш-шли не мош-ш-шешь подарить ЕЙ наш-ш-шего ДРУГА, тогда просто убей ЕЁ!» – проносилось в его голове.

А он чувствовал, что не может навредить ей. Мало того – подходил «сезон заданий», но он чувствовал себя не в силах заниматься своей обычной работой. Случилось не предвиденное ни им, ни ТАРАКАНОМ событие – выйдя из обычной своей зимней заторможенности, Стас влюбился! Совсем по-человечески, просто до безысходности.

ТАРАКАН был в бешенстве, оттого, что упустил этот важный момент, и теперь поведение «хозяина» не поддавалось никакому контролю.

За два весенних месяца, с тех пор как он почувствовал непреодолимую тягу к своей последней «подопечной», он изучил и так знакомый уже район как свои пять пальцев. Сутками высиживая в укромных уголках, он мог за сотню метров узнавать звук каблучков своей избранницы, угадывать малейшие оттенки её настроения. Знал он и все места, куда она ходит, узнавал её знакомых. Скользя бесшумной тенью, он ежедневно часами преследовал её, умудряясь НИКОГДА не попадаться ей на глаза. Ангел-хранитель! Вы не поверите, но Стас при этом был почти счастлив – в этом непонятном занятии, которое захватило его целиком, он находил какой-то высокий смысл. ТАРАКАН просто неистовствовал, но, как ни странно, не мог переломить ситуацию в свою сторону. Он изводил Стаса дикими головными болями, нащёптывал указания, и Стас СЛУШАЛСЯ ЕГО, но только до тех пор, пока не подходил к заветному подъезду. Там ТАРАКАНА словно отрубало, и потом, выйдя из своеобразного сна, он бесновался еще сильнее – оттого, что, неожиданно на него нашлась какая-то неведомая управа.

«Пош-ш-шади ей ТАРАКАНА», – шептал он Стасу, просыпаясь, – «и ты буде-ш-шь её вла-ш-штелином!».

Стас не сопротивлялся уговорам, но на следующий день всё повторялось снова. Он пробовал посылать Стаса на очередные «задания», но тут уже бунтовал сам Стас. И выигрывал! Преодолевая головную боль, он натоптанной дорожкой шёл к знакомому подъезду и боль быстро отступала. В этом он видел какой-то мистический смысл, хотя давно уже понял, что «нейтрализация» ТАРАКАНА происходит не благодаря каким-то удивительным свойствам этого дома и даже не благодаря его возлюбленной, а из-за непонятного толстого человека в грязной одежде, который жил на чердаке.

То, что он не одинок в «почитании» своей возлюбленной, он понял давно. В первый же день своей слежки, которая, кстати говоря, была тогда предпринята по настоянию самого ТАРАКАНА, он почувствовал близость какого-то непонятного человека. Прокравшись на чердак, он увидел обычного грязного бомжа, спящего на старом одеяле, и оставил его в покое. Каково же было его удивление, когда оказалось, что этот человек – знакомый его Ольги. Она принесла ему еду и даже о чем-то шепталась с ним. Он отвечал в основном каким-то странным гуканьем. ТАРАКАН внутри его головы молчал и он, не получая привычных указаний, оставался просто незримым наблюдателем – благо прятаться он научился неподражаемо. Тем же вечером он наблюдал прогулку этой странной парочки в ближайший парк. Он даже позавидовал этому странному существу... Когда же Ольга отправилась куда-то с мужем без своего сопровождающего-бомжа, Стас, преследуя их, почувствовал пробуждение в голове своего ТАРАКАНА и, чувствуя, что это может навредить его возлюбленной, тут же развернулся и побежал в противоположную сторону.

Почему это с ним происходило, Стас никогда не задумывался, как, впрочем и над всем, что было выше его понимания. Пожалуй, он знал только, как этим можно пользоваться. И пользовался.

В тот роковой июньский вечер ТАРАКАНУ наконец повезло. Когда Стас, как обычно, зашел в подъезд, монстр в его голове привычно замер. Однако на этот раз сон его был обманчивым. Крадучись поднимаясь на знакомую площадку, Стас заподозрил недоброе, но было уже поздно – голос из головы заставил его замереть на месте. От головной боли во рту появился привкус железа. Пытаясь двинуть одеревеневшими членами, он услышал отчётливо:

«А теперь, ш-шошунок, слуш-ш-ай мой ПРИКАЗ!».

## Что стряслось у Кузнечика

– Алло! Наконец-то я могу говорить! Ты представляешь, мой благоверный, придурок, Сан Саныча сдал в милицию. Одним звонком, причем из лучших побуждений! Видите ли, он считает, что подобные люди социально опасны! Я сегодня ему устроила истерику, а он, бедный, даже не понял за что! Подумал, что я так себя веду из-за беременности! Побежал сам в милицию как миленький, да сделать пока ещё ничего не может. А я как дура сегодня сижу дома целый день, жду результатов.

– Действительно как дура! Надо было мне звонить.

– Откуда же я знаю твой телефон, – ответила она жалобно. – А выйти из дома я не могла, он же знает, что я жду.

– Ладно, давай встретимся!

– Хорошо, только не у меня. Я могу выбежать в парк, только ненадолго. Ты знаешь скамейку «под пальцем»?

– Конечно.

– Давай там, я буду минут через двадцать. Успеешь?

– Хорошо, как раз приду пешком за это время.

– Ну давай, я жду!

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.